

Виктор Нечаев

Мировоззрение и лирический герой Рубцова

Мировоззрение Рубцова складывалось в недрах культуры русского народа. Именно он (народ) – хранитель очага, в котором находится ядро, ставшее основой для сохранения корней русского менталитета. Менталитет – это основополагающее системообразующее звено русской идеи, генетически восходящей к христианской соборности, духовной составляющей русского национального единства...

Корнями русская соборность уходит в далёкое прошлое. Произошла она от Православия. Наша церковь испокон веков выступала как Единая, Святая, Соборная. Первозванниками соборности стали автор «Слова о полку Игореве» и Сергий Радонежский, монах Филофей и Нил Соровский, Иоанн Кронштадский и Серафим Саровский, Александр Пушкин и Фёдор Тютчев, Фёдор Достоевский и Владимир Соловьёв, Николай Фёдоров и Сергей Булгаков. Соборность, русская идея, почвенничество – три компонента, которые взаимосвязаны. Их синтез определил специфику мироощущения Н.Рубцова.

Главным образом в поэзии Рубцова является душа. Именно в ней отразились черты трагического мироощущения всего русского народа, каждого уголка малой родины. Душа не просто образ, она важный внутренний механизм, помогающий определять, где правда, а где ложь...

Дорог у Рубцова много, а судьба одна. Дорога для Рубцова – это не только путь от дома до заветной цели, но и связь прошлого с настоящим. Дорога в стихотворении «Дорожная элегия» – это символ разлуки не только с близкими и родными, но и с прошлым, которое уходит всё дальше и дальше и до которого нельзя дотронуться рукой. Один час пути может растянуться на пять из-за непредвиденных обстоятельств. Лирический герой ведёт борьбу со стихией, но он готов на всё, чтобы достичь русского огонька, который сможет его обогреть...

Тропка, тропинка, стёжка – эти слова не так уж часто употребляются Рубцовым, но имеют важное эстетическое

значение. В редкой частоте употребления скрывается тайна в их названии. «Тропинка», «тропка», что-то узкое и недлинное. Тропа для лирического героя – это тайный ход к большой дороге.

Труден путь лирического героя, когда он в лесу, где перед ним «болотина» и снова «узкие дороги скрещены», которые труднее и труднее преодолевать. Стоит обратить внимание на то, что там, где возникает опасность, дорога упоминается как «зловещая трасса», «буранная дорога», речь идёт о «печали пройденных дорог»...

Изба в мироощущении Рубцова это не просто тип жилища - это сокровенный уголок, которого у поэта никогда не было. Изба показана не с точки зрения крестьянского поэта, а с позиции того, кто был всю жизнь бездомным. Это бездомье и дало волю душе, которая была зажата заборами, как «чинный двор» лирического героя. Если в произведениях Солженицына и Распутина мы видим, что изба умирает, то в поэзии Рубцова она не просто живёт, поэт изолирует её от внешнего мира, как частицу бытия, которой могут нанести вред. Его изба находится «в святой обители природы», возможно, это тот «маленький домик в багряном лесу», в котором «отдыха нет в помине»...

Рубцов в жизни и в поэзии всё переживал душой, стараясь доказать, что человек без души – это не человек и у него нет своего «я». Лирический герой Рубцова схож в душевных переживаниях с самим поэтом. Образ души проходит лейтмотивом во всей поэзии Н.М.Рубцова – начиная с ранних, морских стихов и до более поздних.

Если душа Есенина потонула в цветовой гамме, то душа лирического героя Рубцова переполнена светом, который неоднократно подчёркивает чистоту души в стихах поэта. Такая душа «хранит всю красоту былых времён», и луч, освещающий её, будто бы идёт издалека, преодолев сотни тысяч километров, старается не оборвать цепь из кристаллических пылинок, лишь бы только донести весь свет и всю теплоту, предназначенные для души...

Стоит обратить внимание и на то, что душа других героев стихов Рубцова (а такие есть – примером могут служить старик и старуха) тоже светла и чиста.

Иногда снег ассоциируется с чистотой души, покрывая всю землю, как чёрное пятно – белым покрывалом, как будто жизнь можно начать с чистого листа, и каждая снежинка – это частица души каждого человека. Чистотой души лирического героя и других героев поэт создал светлый поэтический мир. Конечно же, он хотел, чтобы было так и в настоящем, но сколько раз ему плевали в душу, презирали... Безусловно, душа поэта, как и любого человека, была не безгрешна, и в оппозицию своей душе он создаёт душу лирического героя, наполненную теплом и светом.

Образ души в лирике Рубцова – это архетип, соотносимый с русской религиозной мыслью. Душа в русской религиозной философии это одна сущность, а в поэзии Рубцова – совсем другая. Лирическому герою поэта знакомы и душевные терзания, и минуты отчаяния, тоски, безысходности и т.д. Душевное настроение лирического героя может быть непостоянным – оно то весёлое, то грустное.

Архетипичность центральных мотивов и образов лирики Рубцова позволяет рассматривать его поэтику в рамках национальной духовно-культурной парадигмы.

Наиболее важными из них могут быть названы душа, дом, очаг, воля. Не оформленные как строго научные категории, эти понятия включаются в систему ментального, которая характеризует обыденное сознание русского человека.

Алла Науменко-Порохина

Художественное пространство и поэтика лирики Н. Рубцова

Открытость, разомкнутость художественного пространства у Н.Рубцова подчеркнута действиями человека, его стремлением познать мир. Поэтому его герой выбирает место общения с природой в лесу, парке, «под куполом светлых небес». Поэт при этом запечатлевает не только реальные детали того или иного места, но и помогает почувствовать так называемую

пространственную овеществленность. В стихотворении «Старая дорога» художественное пространство «удлиняется» изображением дороги, «расширяется» плывущими над нею облаками, идущими по ней пилигримами и т. д. Историческая перспектива дороги: «Но этот дух (русский – А. Н.) пройдет через века», раздвигает горизонты пространства до бесконечности. В стихотворении «Нагрянули» художественное пространство определяется не только бесконечностью северных полей, но и характеризуется необъятностью небесного простора – «под луной». Обобщенность ситуации – «В краю лесов, полей, озёр Мы про свои забыли годы», – создает предпосылку возникновения образа-символа «прощального костра», который вмешён в «мимолетный сон природы». Художественное пространство у Н. Рубцова открыто и не ограничено, ему эквивалентна душевная открытость лирического героя. Философская категория художественного пространства у поэта способствует раскрытию идеи гармонической сочетаемости человека и природы:

«И так легки были годы,
Как будто лебеди вдали
На наши пастбища и воды
Летят со всех сторон земли».

Художественное время в лирической системе поэта предстает в различных ипостасях: космическое время, историческое вечное время, вечное время природы, реальное время, т. е. время автора. Анализ современной действительности у Н. Рубцова осуществляется путем соотношения реального времени автора с космическим, историческим и вечным временем природы.

Обозначаются эти события глаголами настоящего времени: «я помню», «я вспоминаю» и др. Реальное художественное время автора, обозначая границу действительного его существования, в той или иной степени соприкасается с временем – «и всё брожу по старой русской горке, О прежних днях задумавшись...», и с космическим временем – «словно в космосе, глухо в раскрытом окошке».

Таким образом, взаимосвязанность и взаимопереходность времён в лирике поэта обуславливают цельность системы художественного времени.

Ближе всего времени автора время природы. Оно привлекает свою изменчивостью, постоянной новизной, совершенством и чрезвычайным разнообразием. Время природы может быть обозначено и «сиянием небес», и криком мчавшихся «без остановки журавлей», и «сверкающих полей», и тишиной родного уголка. А преднамеренное употребление слов «никогда» и «тихо» в стихотворении «Ночь на Родине» создает эффект вечного времени природы.

Время истории сродни времени природы качественным обобщающим значением вечности существования. Это явление интересно поэту, но чтобы прочувствовать его, необходимы одиночество и покой, которые выпадают не часто. Такой момент запечатлен им в стихотворении «Осенние этюды». Можно даже сказать, что здесь Н. Рубцов уникально сосредоточил почти всю систему художественного времени, исключая космическое. Ядром этой мини-системы времён является реальное время автора, как, впрочем, и во всей лирике, которое способно концентрировать и сочетать все остальные времена. Время потопа легко сочетается с временем историческим, обозначенным образом «прошедших здесь крестьянских поколений». Такое сопряжение времён способствует созданию обобщенного образа бытия, придаёт картине законченность и целостность. Жанровая специфика стихотворения предполагает наличие и времени будущего, которое менее близко связано с историческим и природным. Но его существование в произведении закономерно и завершает всю цепь размышлений автора: «Чтоб и тогда она (звезда – А. Н.) торжествовала, Когда не будет памяти о нас...». Сочетание реального времени автора с временем будущего дано в последней, третьей части стихотворения.

Однако построение стихотворения предполагает фрагментарность сюжета и изложения, но система художественного времени придает произведению смысловую объёмность и философскую насыщенность.

Интересно сочетание исторического и будущего времён в

стихотворении «Старая дорога». Историческое время, обозначенное плывущими над дорогой облаками, словно бы протягивает незримые нити к современности, к «июльским денькам», к ромашкам, к росистым лесам. Душа поэта, являясь посредником между человеком и природой, становится средоточием исторического времени и будущего.

Система художественного времени благодаря своей разветвлённости и многокомпонентности обогащает лирику Н. Рубцова, усиливает звучание её гражданского пафоса, придаёт особую пластику её образам.

Острое ощущение Н.Рубцовым противоречивости всего сущего сказалось на эстетике цвета и света в его поэзии и особенно ярко отразилось в образе ветра. Подробно о «стихии света» писал В. Кожинов. По его мнению, именно стихия света создаёт глубину поэтического мира Н. Рубцова. Но литературовед не отметил особой контрастности самой стихии. Краткие промежутки времени, когда наиболее зримы противоречия между светом и тьмой, жизнью и смертью, концом и началом были для поэта желанны и необходимы. Тогда открылись тайны бытия. Эти моменты мироощущения поэта роднят его восприятие противоречивости и конкретности жизненных явлений с блоковской традицией. Только атмосфера бурь и тревог времени проявлялась у А.Блока на всех уровнях образности, а у Н.Рубцова всё происходило на уровне построения сюжетной ситуации, интонационного сопоставления. Часто слова «свет» и «тьма» им даже не употребляются, колорит создаётся путем качественного определения явления: «Короткий день. А вечер долгий». Сюжетная ситуация, как правило, обозначена одной, двумя фразами, в которых и содержится контрастное начало: «Лошадь белая в поле темном», «Светит лампа в избе укромной, Освещая осенний мрак» и др.

Интонация в стихах Н. Рубцова богата необычайно. Наиболее употребительна точка, передающая различные состояния души лирического героя. Реже поэт употребляет восклицательный знак, хотя о пристрастии к нему упоминает в письме к В.Елесину (См.: Наш современник, 1981, № 12, с. 171).

Поэтическая речь Н. Рубцова характеризуется абсолютной

конкретностью его языкового мышления. Чаще всего он использует такие средства художественной выразительности, как: метафора, сравнение, эпитет. Реже обращается к аллегории и гиперbole. Как правило, поэт использует несложный троп, при этом в основе его лежит конкретно – чувственное, а не умозрительное начало.

Сравнение занимает в лирике Н. Рубцова, пожалуй, самое почётное место. Иногда все стихотворение может быть построено на сравнении («По дороге из дома»), иногда при помощи сравнения высказывается главная мысль («Прощальный костёр»). И почти в каждом стихотворении можно обнаружить один – два обязательных случая сравнения: «Как сон столетий, божий храм», «вода недвижнее стекла» и др.

Эпитеты в большинстве случаев «выступают у Рубцова либо в устойчивых традиционных сочетаниях, где они в силу своей привычности ощущаются очень слабо, либо не в цветовом, а в оценочном, или «символическом» смысле, либо как обозначение вида.

Сравнительно мало в поэтической речи Н. Рубцова олицетворений и аллегорий. Так, аллегорические образы «звезды полей» и «лодки догнивающей на речной мели» достигают почти символического значения в контексте рубцовской лирической системы: «Звезда полей горит, не угасая, Для всех тревожных жителей земли». Это едва ли не единичные случаи употребления этих тропов.

Немалый интерес представляет собой и стиховая культура Н. Рубцова. С помощью звуковой и словесной инструментовки стиха поэту удаётся удачно реализовывать свои замыслы. Обращает внимание один из звуковых образов, создающий музыкальную стихию в лирике стихотворца:

«Они не СуТ
на флагах черный КРеСТ,
Они КРеСТами небо за КРеСТИли,
И не леса мне видятся о КРеСТ,
А лес КРеСТОв в о КРеСТНОСТЯх РоССии
КРеСТы, КРеСТы...».

Не уступают этим образам и словесные: таинственные звоны России, ржание стреноженных коней, согласный хор леса и стаи журавлей, сосен шум, долгий звон бубенцов. Созданию звучащей стихии способствует и соответствующее интонационное оформление стиха, – так называемая мелодика поэтической речи. Графически она получает свое завершение в элементах поэтического синтаксиса – в восклицательных или вопросительных предложениях. Н. Рубцов часто прибегал к чередованию двух видов побудительной интонации, создавая подвижный и изменчивый образ («По мокрым скверам»). Звукозапись, создающая иллюзию того или иного действия, является не только элементом поэтики Н. Рубцова, но и стала отличительной особенностью его творчества в целом.

«Обращает на себя внимание не только образность, но и удивительно разнообразная ритмика стихов Николая Рубцова – и это тоже признак большого таланта... И потому даже белый стих его читается, как рифмованный: вроде бы и замечаешь отсутствие рифмы, но тут же и забываешь об этом». Разнообразие ритмической организации лирики Н. Рубцова отличает её от других лирических систем. Для ранних стихов характерны интонации-призывы, маршевость, романсовость и напевность. Интонированное чтение не характерно для поэта.

Рифмованная ритмическая единица – наиболее характерное явление в творчестве Н. Рубцова. Наблюдения показали закономерное употребление поэтом четырехстопного ямба, которым написана большая часть стихотворений. Наиболее предпочтаемы им женские и мужские рифмы и их чередование в строфе. Например: оконцем – солнце, труды – пруды, росой – косой, красовались – назывались и др. В традициях русского классического стиха использовал Н. Рубцов полнозвучные рифмы: рубашке – ромашки, живей – ветвей, стекла – стрела и др. Интересно использована поэтом и гармония гласных и согласных звуков М, Н, Т, Е: «ДрЕМлЕТ На сТЕНЕ МоЕй Ивы кружЕвНая ТЕНЬ ЗавТра у МЕНя под НЕй БудЕТ хлопоТливый дЕНь!»

Таким образом, своеобразие лирической системы Н. Рубцова заключается в соединении в ней социально-нравственного, психологического и социально-философского планов её

проблематики. Лирика Н. Рубцова, развивавшаяся в русле классических традиций русского стиха, стала частью литературного процесса середины XX века и отвечала нравственным, философским и художественным исканиям того времени.